

Бай Хэби не успел и рта открыть, как Сы Циншунь тяжело вздохнул и продолжил сам, не оставив ему ни единого шанса возразить.

— Хэби, я правда люблю тебя уже очень давно... Не воспринимай это как обузу, это лишь мой личный порыв, — он горько усмехнулся, выливая все чувства, что скрывал на самом дне сердца. — Можешь не отвечать мне взаимностью. Просто позволь мне заботиться о тебе. А если ты однажды обратишь на меня взор — что ж, для меня это станет самым лучшим исходом.

Сы Циншунь смотрел в красивые глаза Бай Хэби, вырез которых напоминал лепестки персика. В его груди словно пылала отчаянная смелость, и он торопился высказать всё до последнего слова, пока этот огонь не прогорел без остатка.

— Тебе ведь тоже нужен кто-то, чтобы просто попробовать, каково это — любить? — Сы Циншунь не переставая теребил левой рукой свой галстук-бабочку, явно выдавая крайнюю неуверенность. — Вдруг... я окажусь именно тем, кто тебе подходит?

Он до смерти боялся, что другого случая признаться больше не представится, а потому решил действовать наперерез.

Бай Хэби молчал, пристально разглядывая стоящего перед ним мужчину с его отчаянной храбростью.

Сы Циншунь выглядел предельно собранным: нахмуренные брови, строгий чёрный костюм, лаконичная белая сорочка, безупречно отполированные туфли. И лишь приглядевшись, можно было заметить, как слегка дрожат его пальцы. Создавалось ощущение, будто он находился не на романтическом признании, а зачитывал отчёт на важнейшем совещании.

Бай Хэби всерьёз задумался над его предложением.

Ему впервые признавались с такой искренней серьёзностью.

Он давно вышел из детского возраста и успел сделать первые шаги в высшем обществе. Для выходца из столь влиятельной и богатой семьи, как Бай, умение читать между строк было естественным навыком. Он без труда мог определить, лжёт ли стоящий перед ним человек или говорит от самого сердца.

Семейную компанию кто-то должен унаследовать, кланам требуются союзы, самому Бай Хэби не помешал бы надёжный щит от лишних расспросов, а Сы Циншунь в него влюблён. При этом оба прекрасно знают характер друг друга. Если сопоставить все факты, брак по расчёту казался наилучшим выходом.

К тому же Сы Циншунь прав: Бай Хэби действительно хотелось узнать, что такое романтические отношения, и сейчас перед ним открывалась идеальная возможность.

Но главное — Бай Хэби чувствовал сдержанную, но глубокую нежность в словах Сы Циншуня. Эта влюблённость обжигала своей искренностью.

Едва Сы Циншунь становился серьёзным, в нём просыпалось странное притяжение. Казалось, он распахнул перед Бай Хэби душу, позволив увидеть собственное пылающее сердце и услышать его оглушительный, учащённый стук.

Это было абсолютно новое, неизведанное ощущение.

Каково оно на вкус?

Бай Хэби растерялся, но удержать любопытство уже не мог.

Выходит, романтические отношения — и даже последующий брак — действительно лучший выбор?

Что ж, стоит попробовать. Хуже от этого точно не будет.

Собраться с духом, дать шанс Сы Циншуню... и дать шанс самому себе по-настоящему кого-то полюбить.

Придя к такому выводу, Бай Хэби перешёл к действиям. В делах он привык идти напролом, унаследовав эту черту от своего отца, Бай Юанькая.

Он протянул руку и аккуратно поправил галстук-бабочку, который Сы Циншунь скомкал от волнения. Затем посмотрел на мужчину, у которого от напряжения уже взмокли виски, мягко улыбнулся и тихо произнёс:

— Хорошо.

Услышав ответ, Сы Циншунь ошеломлённо распахнул глаза, не в силах поверить собственным ушам.

Он ведь был уже на грани отчаяния.

Заметив его застывший взгляд, Бай Хэби поднёс к его лицу указательный палец и с лёгкой иронией, словно дразня ребёнка, спросил:

— Очнись. Помнишь ещё, какая это цифра?

Сы Циншунь опомнился и мгновенно перехватил его руку, намереваясь припасть губами к

тыльной стороне ладони, но Бай Хэби ловко отстранился.

— Не спеши, — со смешком добавил он. — Я разрешаю тебе ухаживать за мной, но у меня есть условие. Давай сначала просто встречаться и составим брачный договор, — его глаза лукаво прищурились, придавая ему сходство с хитрым лисом. — Если через пять лет мы всё ещё будем вместе, ты по-прежнему будешь любить меня, а я к тому времени полюблю тебя, тогда и сыграем настоящую свадьбу.

Глядя на его приподнятые уголки губ, Сы Циншунь от захлестнувшего восторга не мог вымолвить ни слова и лишь непрерывно кивал.

Бай Хэби не удержался от улыбки при виде его растерянного вида. Однако тут же вспомнил об одной детали: условия договора играли исключительно ему на руку, совершенно не давая никаких гарантий Сы Циншуню.

Он смущённо нахмурился:

— Хотя... тебе не кажется, что это не совсем честно по отношению к тебе?

— Вовсе нет... Сам факт того, что ты позволил мне ухаживать за тобой — уже огромная уступка с твоей стороны, — Сы Циншунь от волнения путался в словах, а потому просто сгреб его в охапку, прижимая к себе, чтобы тот сам почувствовал сумасшедший стук его сердца. — К тому же у меня было столько бывших... Я сам боялся, что это будет нечестно по отношению к тебе.

Слушая мощные удары сердца у самого уха, Бай Хэби тихо и искренне рассмеялся в его объятиях.

— Твоё прошлое было без меня, так что судить тебя за него я не стану. Но с этого момента я превращаюсь в твоём лице в строгого экзаменатора и посмотрю, действительно ли ты меня любишь, — Бай Хэби сам обнял его за талию. — Так что... тебе придётся как следует разобраться со своими прошлыми делами.

Грудь Сы Циншуня отозвалась вибрирующим низким рокотом, от которого у Бай Хэби даже закололо в щеках.

Весь следующий год Сы Циншунь ухаживал за Бай Хэби с невероятным пылом, и Бай Хэби с удовольствием принимал эти знаки внимания.

Каждый день в офис приносили свежие букеты, заказанные Сы Циншунем.

По вечерам, когда рабочий день подходил к концу, Сы Циншунь неизменно ждал его, чтобы вместе отправиться домой.

Знакомые часто подшучивали над Сы Циншунем, называя его подкаблучником, который бежит за Бай Хэби точно преданный пёс.

Однако сам Сы Циншунь так не считал. Ему нравилось открывать душу и преподносить своё сердце Бай Хэби.

Не прошло и года, как Бай Хэби и сам искренне полюбил этого человека, готового дарить ему неиссякаемое тепло.

Бай Хэби не принадлежал к той категории людей, что постоянно сыпят признаниями. Свои чувства он предпочитал доказывать поступками.

Помня о вкусах Сы Циншуна, любившего кисло-сладкие блюда, Бай Хэби вновь встал к плите, чтобы баловать избранника домашней едой. Осознав глубину своих чувств, он желал проводить с возлюбленным больше времени, а потому перенёс весь субботний и воскресный объём работы на будни. За исключением редких командировок, он больше никогда не ночевал вне дома. Они даже уборку в своём двухэтажном доме делали исключительно вдвоём, принципиально не пользуясь услугами домработниц.

Каждый год они отправлялись в путешествия. Память телефона и фотоаппарата Бай Хэби постепенно заполнилась снимками одного только Сы Циншуна.

Возвращаясь из поездок, он тайком распечатывал фотографии, складывал их в специальную деревянную шкатулку и прятал под кровать.

Перебирая эти кадры из повседневной жизни, он каждый раз отчетливо ощущал себя любимым — и чувствовал, как его собственная нежность окутывает партнёра.

Хотя он ни разу не произнёс вслух слово «люблю», Бай Хэби был твёрдо уверен: Сы Циншунь прекрасно знает о его чувствах.

Смог ли он сам научить его этому чувству?

Бай Хэби не знал.

Он никогда не спрашивал об этом Сы Циншуна.

Но раз уж сам он сумел познать, что такое любовь, то и его спутник наверняка чувствовал то же самое.

Именно с этой слепой уверенностью на первую годовщину их отношений они сыграли свадьбу.

Они обменялись кольцами и перед лицом священника дали друг другу клятву верности.

Заблаговременно обдумав и составив брачный договор, они закрепили его официально.

Первый пункт гласил: сохранять абсолютную верность друг другу.

Получив бумажный экземпляр документа, Сы Циншунь вывел свою подпись — ровно и размашисто.

Его имя расположилось прямо под иероглифами «Бай Хэби», так что свежие чернила на концах штрихов даже немного слились.

Увы, будущее показало, что вся эта уверенность была лишь его собственным иллюзорным заблуждением.

Бай Хэби проснулся с ощущением, будто лицо его одеревенело.

Он какое-то время безучастно разглядывал потолок, пока взгляд не обрёл прежнюю ясность.

Он и сам не понимал, почему ему снова приснился Сы Циншунь.

Прошедшие события теперь казались затянутыми дымкой, оставляя лишь чувство призрачности и нереальности происходящего.

Полежав немного в тёплой постели, он поднялся и направился в ванную.

Вытерев лицо полотенцем и взглянув в зеркало, Бай Хэби заметил залегающие под глазами тёмные круги.

Рассматривая своё уставшее отражение, он издал короткий смешок — сам не зная, над кем именно смеётся.

Затем снова с усилием рванул полотенце, тщательно растирая щеки, словно пытаясь соскоблить горькие воспоминания.

Закончив с утренним туалетом, Бай Хэби подошёл к двери гостевой комнаты. Вспомнив о

Цзинь Ао, который находился внизу, он сделал глубокий вдох, возвращая лицу привычное выражение.

Он вновь превратился в безупречного, строжайшего генерального директора Бая.

Едва он открыл дверь, как в нос ударил аппетитный аромат свежеприготовленной еды.

Бай Хэби слегка удивился. В доме находились только он и Цзинь Ао. Сам он ничего не готовил, а значит, у плиты стоял Цзинь Ао.

Спустившись по лестнице, он заметил, что дверь в комнату, отведённую Цзинь Ао, распахнута настежь.

Бай Хэби любопытствующе заглянул внутрь. Помещение сияло чистотой: вещи аккуратно расставлены, белейшее одеяло заправлено настолько гладко, будто на кровати никто и не спал. Одежда, которую он одолжил Цзинь Ао вчера, лежала на стуле ровной стопкой.

Бай Хэби помнил: когда Цзинь Ао учился в старшей школе, его мать проходила химиотерапию в больнице из-за рака, и парень жил один в съёмной квартире прямо напротив него. Вся домашняя работа лежала на его плечах, так что сноровка и трудолюбие выработались у него сами собой.

Сблизившись с ним, Цзинь Ао часто приходил в гости. Замечая порядок или беспорядок, он без лишних слов помогал по хозяйству: то вызовется вымыть посуду после совместного обеда, то подхватит мусорный пакет, если Бай Хэби спешил и не успевал заскочить к бакам. В итоге дошло до того, что каждое утро мусорный контейнер у двери Бай Хэби оказывался пустым — он даже не успевал выбросить его сам.

В самом начале Бай Хэби как-то спросил у Цзинь Ао, не тяжело ли ему всё это делать.

Именно тогда он впервые увидел, как смущённо умеет улыбаться этот юноша.

«Мне совсем не трудно, брат Бай, дело-то минутное, — ответил тогда юный Цзинь Ао, только что вернувшийся из школы и всё ещё не снявший форму. — Ты мне столько помогаешь, я просто обязан хоть чем-то отплатить, иначе меня совесть замучит».

Тогда этот школьник относился к чистоте куда ответственнее, чем он сам.

Почувствовав лёгкое смущение от этих воспоминаний, Бай Хэби коснулся кончика носа.

Впрочем, времена изменились. Поселившись с Сы Циншунем, большую часть домашних дел Бай Хэби взял на себя. Жалея мужа, задерживавшегося на работе допоздна, он добровольно

взвалил на себя заботу об уюте. Они не нанимали уборщиц и никогда не впускали в дом посторонних, за исключением близких друзей.

Что же касается сегодняшнего дня... Он всё равно собирался избавиться от этой недвижимости, так к чему теперь проявлять былую усердность?

При этой мысли Бай Хэби опустил глаза.

Пока он предавался размышлениям, оклик за спиной нарушил тишину:

— Брат Бай, ты чего перед моей дверью застрял? — раздался голосок Цзинь Ао, в котором слышалось искреннее любопытство.

Пойманный с поличным Бай Хэби даже глазом не моргнул. Не оборачиваясь, он сходу отрезал:

— Перед твоей дверью? Уточни на всякий случай: это мой дом.

Однако, повернувшись, Бай Хэби застыл в полном оцепенении от представшей перед ним картины.

Высокий, плечистый Цзинь Ао где-то умудрился выудить розоватый фартук с кружевной оборкой, украшенный милым принтом в виде собачки с высунутым языком. Фартук был туго завязан на талии, а длинные ленты хаотично свисали сзади.

Если память не изменяла Бай Хэби, этот фартук достался ему в супермаркете по акции. Его выдавали в качестве особого подарка к Дню святого Валентина для постоянных покупателей.

Тогда он не стал разглядывать подвох за розовой упаковкой в сердечках и просто бросил подарок в тележку. Дома же выяснилось, что внутри лежал фартук, сплошь украшенный откровенным полупрозрачным кружевом, а в комплекте к нему прилагалась коробка презервативов.

Бай Хэби тогда лишь дар речи потерял, разглядывая этот «набор для влюблённых», сомневаясь, не держит ли владелец супермаркета секс-шоп на досуге.

Намек был настолько прозрачным, что сомневаться в предназначении вещицы не приходилось.

Презервативы он сразу отправил в мусорное ведро, а нелепый фартук засунул в дальний кухонный ящик, где тот и благополучно сгинул из памяти.

И вот теперь этот предмет, пропитанный весьма специфическим подтекстом, снова извлечён

на свет божий — да ещё и надет на человека, на которого Бай Хэби никогда бы в жизни не подумал!

У него что, нюх как у ищейки, раз он смог выкопать эту дрянь?

Цзинь Ао, проследив за взглядом Бай Хэби, тоже опустил глаза на свой наряд.

Вот досада — выходя из кухни, он совершенно забыл его снять.

Впрочем, Цзинь Ао быстро взял себя в руки и с невозмутимым видом спросил:

— А что такого? Мне нельзя его надевать?

<http://bllate.org/book/20379/2111629>